

1. Ю.А. Сорокин

Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва

1. Yu.A. Sorokin

Institute of linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow

КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ И ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ НИШИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЙ И ИХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

CULTURAL AND ETHNOLOGICAL NICHE: DEFINITION OF CONCEPTS AND THEIR INTERPRETATION

Ключевые слова: культуральная ниша, этнологическая ниша, знак, диахрония, синхрония, аксиология.

Keywords: cultural niche, ethnologic niche, sign, diachrony, synchrony, axiology.

В статье автором даны определения понятиям «культуральной ниши» и «этнологической ниши», рассмотрен аксиологический статус содержания культуральной/этнологической ниши, представлено описание и оценка составляющих культуральной/этнологической ниши на диахроническом и синхроническом уровнях, проанализирован иллюстративный вербальный материал.

The author gives some definitions of «cultural niche» and «ethnological niche», axiological status of content of culture/ethnological niches is also considered in the article, components of cultural/ethnologic niches are described and estimated on diachronic and synchronic levels, some illustrative verbal material on the subject is analyzed.

Прежде чем давать определения этим двум понятиям и рассматривать эвристическую ценность того содержания, которое им «приписывается», представляется полезным и необходимым привести некоторый иллюстрированный – вербальный – материал, который и послужит основой для дальнейших рассуждений.

Этот материал дает следующее, хотя, видимо, и неполное представление об аксиологическом статусе составляющих культуральной ниши г. Юрьева-Польского: «Город Юрьев-Польский <...> расположен в 1 версте от станции, на обоих берегах р. Колокши. Основан он вел. кн. Владимирским Юрием Долгоруким в 1152 году. В 1178 г. сын его, Всеволод Юрьевич, в борьбе своей за великокняжеский престол с родным племянником, кн. Ростиславом Мстиславичем, избранным ростовцами, одержал над ним со своими владимирцами на Юрьевском поле, за р. Гзой решительную победу, доставившую ему великокняжеский престол, а владимирцам торжество над ростовцами, бояре которых, подстрекавшие кн. Мстислава ..., или пали на поле битвы, или были взяты в плен. <...> Уцелели в Юрьеве и многие очень интересные памятники, и прежде всего

Георгиевский собор. Он основан кн. Юрием Долгоруким, но в 1230г. сломан за ветхостью кн. Святославом, который на месте его построил в 1234 г. нынешний каменный. Хотя этот замечательный памятник XIII в. загроможден громадной колокольной (70 ар. выс.) конца XVIII в., но остались нетронутыми восточная и южная стороны его, украшенные снизу до верху самой интересной каменной резьбой. В приделе Георгиевского собора погребён кн. Юрьевский Святослав Всеволодович, а близко от него и сын его св. кн. Дмитрий, скончавшийся схимником в 1269 г. В другом приделе собора хранится замечательный памятник 1224 г. – Святославов каменный крест, в 2 арш. 6 верш. вышины с вырезанным на нём распятием и рельефными изображениями святых; они, к сожалению, в новейшее время выкрашены красками. В соборе хранится ещё вклад царя Михаила Федоровича, царицы Евдокии и нескольких царских грамот. Другой интересный памятник в городе – Архангельский мужской монастырь с 4 церквями, обнесенный каменной стеной. Он основан в XIII в., но соборная его церковь построена только в 1560 г. Здесь хранятся грамоты Василия Шуйского 1606 г. и Михаила Федоровича 1625 г. и евангелие, пожертвованное царями Иваном и Петром и царевной Софьей. Город Юрьев издали кажется довольно красивым, но внутри очень непривлекателен. Обстроен он очень дурно и очень неблагоустроен, хотя, несомненно, имеет промышленное значение по своим бумаготкацким и шерстоткацким фабрикам» (Россия ..., 1899: 268-270). Об его истории см. также: «Город Св. Георгия. Юрьев-Польский в старой открытке». Владимир, 2002 г. (Эта книга на редкость удачна).

Этот диахронический уровень описания и оценки составляющих культуральной ниши дополним синхронным описанием: «Город Юрьев-Польский среди Владимирской области занимает видное место, являясь центром одного из самых развитых сельскохозяйственных районов, располагающих плодородными почвами. <...> Своеобразной экспозицией в Юрьев-Польском филиале музея-заповедника является Георгиевский собор, жемчужина среди памятников белокаменного зодчества, сохранившийся со времен Владимиро-Суздальской Руси. <...> Полностью или частично восстановленные и потому легко угадываемые композиции на стенах собора сложны, красноречивы или глубоко символичны. Среди них «Троица», «Распятие», «Семь спящих отроков эфесских», «Даниил во рву львином», «Три отрока в печи огненной», «Вознесение Александра Македонского». Идея их могла символизировать «божественность» земли Владимирской, небесное ей покровительство, а также покровительство свыше самим юрьев-польским князьям и, в частности, Святославу... Наряду с ликами святых князей на стенах изображены дружинники, сказочные звери и птицы-сирины. И композиции, и отдельные личины или изображения тесно увязаны резным ковровым (растительным) орнаментом, которым искусные резчики вполне возможно хотели передать благодать земли русской. <...> После внешнего осмотра собора экскурсанты проходят внутрь его, где открыта выставка белого резного камня из числа тех, которые ... не были вложены в кладку в 1471

году В.Д. Ермолиным или найдены позднее. Из ста с лишним камней отобраны и отреставрированы наиболее интересные. Среди них – с изображением масок воинов-дружинников, а центральное место занимает композиция «Распятие, или Святослав крест» (Галкин, 1985: 67-68, 72).

«В одном из помещений Михайло-Архангельского монастыря размещена четвертая экспозиция – выставка «Художественная резьба по дереву». Составили ее произведения деревянной скульптуры, относящиеся к XV-XIX векам» (Галкин, 1985: 77).

Аналогичным образом – на диахроническом и синхроническом уровне – представим составляющие культуральной ниши с. Варварино.

Диахронический уровень: «Годы сербской войны, добровольцев и, наконец, нашей войны с Турцией доставили Ивану Сергеевичу Аксакову (1823-1886) ораторскую славу и всемирную известность, увенчанную кандидатурою его на болгарский престол, выдвинутой некоторыми болгарскими избирательными комитетами. За речь, произнесенную в Славянском Комитете во время Берлинского конгресса с 13 июня по 13 июля 1878 г., порицавшую наших дипломатов, Аксаков был выслан из Москвы и провел несколько месяцев в селе Варварине, Юрьевского уезда, Владимирской губернии» (Энциклопедический словарь ..., 1890: 305).

Синхронический уровень: «Живописны места вокруг Варварина. Дома его расположены на возвышении. <...> В центре когда-то обширного села привлекает внимание своей архитектурой белостенное здание – родовое гнездо отставного майора Фотия Митькова, в семье которого в 1791 году родился будущий декабрист Михаил Митьков. <...> Входил Михаил Фотиевич в левое, объединившееся вокруг Рылеева, крыло. <...>

Сохранившийся дом усадьбы Митьковых бережно охраняется, регулярно ремонтируется. Сейчас в нём расположена библиотека совхоза имени РККА» (Галкин, 1985: 99-101)

Если проанализировать вышеизложенный материал, то можно прийти к следующему выводу: составляющие этих двух культуральных ниш описаны с различной степенью полноты и точности. Иными словами, для этих ниш характерна специфическая глубина памяти. Составляющим приписывается также различная ценность (вплоть до нулевой); составляющие диахронического и синхронического уровня не совпадают между собой (хотя возможность такого совпадения существует). Они в разной степени и эксплицитны и имплицитны. Для них характерны также «зоны молчания».

Этот перечень (или список, может быть, и открытый) составляющих носит слоевой характер, что, по-видимому, закономерно, если рассматривать памятник культуры как **денотат**, который может существовать лишь при наличии коннотатов (некоторой аксиологической оболочки, окружающей его). Если же рассматривать как семантему, то эти слои следует рассматривать как семантические доли, формирующие у реципиента полный или неполный **образ семантемы**.

Допустимо также понимание памятника и в качестве материального и апперцепционного (социально-психологического) кластера (пучка

признаков), составляющим которого могут быть приписаны в зависимости от уровня рассмотрения (диахрония или синхрония) соответствующие эстимационные характеристики (положительные, нейтральные или негативные оценки). Таким образом, культуральная ниша может рассматриваться в виде набора входящих в нее денотатов и коннотатов или в виде семантем и семантических долей, или в виде материального и апперцепционного (социально-психологического) кластера. Но в любом случае культуральная ниша – это, прежде всего, образ, определенная ментальность, существующая благодаря материальному субстрату (памятнику).

Этот образ, как свидетельствует наш иллюстративный материал, может быть синхроническим и диахроническим, в разной степени полным и точным, эксплицитным и имплицитным, может быть переменным по своей ценности и «зонам молчания». Соответствующая структура этого образа формируется у реципиента в зависимости от статуса составляющих образа, от степени мощности коммуникативной среды (о ней, но со специфической точки зрения см.: Виноградов, Коваль, Порхомовский, 1984), под которой целесообразно понимать следующее: это совокупность устойчивых межличностных и внеличностных (ориентированных на образ, опредмеченный в некоторых знаках) навыков общения. Коммуникативная и материальная, среды (культуральные/этнологические ниши) находятся в отношении взаимодополнительности: информационная и аксиологическая дефектность одной предопределяет аналогичную дефектность и другой, что, в свою очередь, продиктовывает то или иное операциональное отношение) к вышеуказанным средам (сохранность/несохранность, целостность/нецелостность, польза/непольза, внимание/безразличие, живое/мертвое). Несбалансированность этих двух сред приводит к вполне определенному последствию: возникает комплекс негативных отношений и оценок (сознательных и бессознательных), сопровождающих «вхождение» в эти среды. Иными словами, возникают модели вербального и невербального поведения, характеризующего той или иной степенью деструктивности, пассивности и равнодушия.

Так, например, именно информационная дефектность характеризует раздел книги Ю.Г. Галкина, в котором рассказывается о с. Варварино: опущен факт, позволяющий расширить рамки культуральной ниши (рамки культуральной ниши) и повысить его статус за счет экспликации одной из составляющих, содержание которой весьма богато в общественно-политическом, идеологическом, литературном и литературоведческом отношении (см. в связи с этим: Сватиков, 1905; Ранние славянофилы ..., Цимбаев, 1986). Кроме того, все содержание этого раздела ориентировано на то, чтобы создать впечатление благополучия в отношении с. Варварино как культуральной ниши. Ю.Г. Галкин даже подчёркивает тот факт, что «сохранившийся дом усадьбы Митьковых бережно охраняется, регулярно ремонтируется. Сейчас в нем расположена библиотека совхоза имени РККА». (Галкин, 1985: 101).

Находящиеся в моем распоряжении фотографии с. Варварино, относящиеся к 1979 году, свидетельствуют о противоположном: эта экологическая ниша уже в этом голу была почти уничтожена, хотя еще существовал ее «фон» – несколько больших «порядков», из которых, собственно, и состоит каждое село. Сохранились лишь следы старого парка (сада), спускавшегося к Колокше, и боскеты, указывающие, что на этом месте когда-то стоял дом.

Вызывает сомнение и возможность регулярного проведения ремонта (о степени сохранности библиотеки можно и не говорить) «усадеб Митковых», ибо на моих фотографиях «дом Митьковых» (остальные сохранившиеся здания относятся, по-видимому, к числу подсобных) выглядят несколько иначе, чем у Ю.Г. Галкина (он, к сожалению, не указывает, в каком году была сделана его фотография). Если же учесть, что в 1982-83 гг. с. Варварино стало «неперспективным» из-за закрытия школы и магазина, а также из-за отсутствия к нему дороги даже среднего качества (сейчас село «восстановлено» (заселено) дачниками. Есть к нему и дорога. Но нынешнее Варварино – это совсем другая ниша), то становится ясной и ложность конструирования того образа экологической (культуральной и этнологической) ниши (Экологическая ниша является тем «субстратом», который обеспечивает существование и функционирование культуральных и этнологических ниш.), которую описывает Ю.Г. Галкин.

Не менее дефектным, на мой взгляд, является описание Ю.Г. Галкиным и экологической (культуральной и этнологической) составляющих ниши г. Юрьева-Польского: в этом описании отсутствует необходимая полнота (о степени ее можно и нужно спорить), позволяющая образу этой ниши существовать как образу объемному, конкретному и эксплицитному.

Можно также указать на то, что даже «незаметное» смещение в коннотативном репертуаре этих составляющих имеет несомненный негативный смысл, влияющий на формирование установки по отношению к «знаку» культуральной/этнологической ниши. Таково, например, нынешнее толкование астионима Юрьев как *Польский* вместо *Польского*, хотя последнее в большей мере рационально и (эмотивно) – аксиологично: «В 5 верстах за Келлеровым дорога переходит по железному мосту реку Пекшу, а за р. Мурмогой вступает в ту обширную безлесную равнину, от которой город Юрьев поручил название Польского, и почва которой называется «юрьевским черноземом »» (Россия ..., 1899: 268).

Если учитывать, что «знак» культуральной/этнологической ниши (в качестве одного из ее составляющих) может рассматриваться (реципиентами) как свой или чужой, осмысленный или бессмысленный, имеющий определённую ценность или не имеющий ее, то в этих же категориях могут рассматриваться и все материальные и ментальные феномены, на которые указывает этот «знак». Осмысление этих феноменов в таких категориях предопределяет и телеологию вербальных и невербальных реакций на них - реакций, из которых, собственно, и состоит образ культуральной/этнологической ниши. Это осмысление опирается не только на то или иное (достаточное или недостаточное) толкование «знаков»,

составляющих ее образ, но и на толкование их как *экофильных* или *экофобных* (см. в этой связи статью К.И. Шилина (Шилин, 1985), в которой анализируются 12 принципов экофильности). По-видимому, в противоположность, например, японцам или китайцам (об их традициях в толковании взаимообусловленности отношений между природой и человеком, – традициях, которые не могут рассматривать в качестве анахронизмов, см.: Человек и мир ..., 1985; Проблема человека ..., 1983), мы истолковываем эти знаки как сигналы, указывающие на что-то враждебное или противостоящее, а не на близкое или аналогичное.

Может быть, наше отношение к культуральным/этнологическим нишам обусловлено и тем, что памятники (в любой знаковой форме их существования) мы привыкли рассматривать, прежде всего, как тела знаков (А.А. Леонтьев), забывая о тех смыслах, носителями которых являются материальные тела знаков, или, точнее говоря, забывая о том, что эти смыслы формируются в процессе соответствующим образом структурированной и субъект-объектной, и субъект-субъектной деятельности.

Литература

Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.И. Социолингвистическая типология. Западная Африка. – М., 1984.

Галкин Ю.Г. Юрьев-Польский (историко-краеведческий очерк). – Ярославль, 1985.

Проблема человека в традиционных китайских учениях. – М., 1983.

Ранние славянофилы. А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. – М., 1910.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. – Петербург, 1899, т. 1.

Сватиков С.Г. Общественные движения в России (1700-1895). – Ростов-на-Дону, 1905.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли. – М.: МГУ, 1986.

Человек и мир в японской культуре. – М., 1985.

Шилин К.И. Экологичность японской лирики // Человек и мир в японской культуре. – М., 1985.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. – СПб., 1890, т. 1.

References

Vinogradov V.A., Koval A.I., Porkhomovsky V.I. Linguistic typology. West Africa. - M, 1984.

Galkin YG of Yuriev (local lore and history essay). - Yaroslavl, 1985.

The problem of man in traditional Chinese exercises. - M, 1983.

Early Slavophiles. A.S. Khomyakov, Kireev I.V., KS and I.S. Aksakovs. - M, 1910.

Russia. The complete geographical description of our homeland. Petersburg, 1899, that 1.

Svatikov S.G. Social movements in Russia (1700-1895). - Rostov-on-don, 1905.

Tsymbaev N.I. Slavophilism. From the history of Russian socio-political thought. - M: MSU, 1986.

Man and the world in Japanese culture. - M, 1985.

Shilin K.I. Ecology Japanese lyrics // Man and the world in Japanese culture. - M, 1985.

Encyclopaedic dictionary by F.A. Brokgauz and I.A. Efron. - SPb., 1890, that 1.

(0,3 п.л.)